

Нет автора

Русская старина

1906. 10_12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1906. 10_12 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 733 с.

ISBN 978-5-458-02877-6

ISBN 978-5-458-02877-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1906.

ОКТАВРЬ. — НОЯБРЬ. — ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерева и К^о), Фонтанка, 117.

1906.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1906 годъ.

Тридцать седьмой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—официальную,—показываютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простаго обывателя своими правдивыми разказами лучше всякаго официального документа нарисуетъ бытовое характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ журналъ издается въ теченіе 36 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка, по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

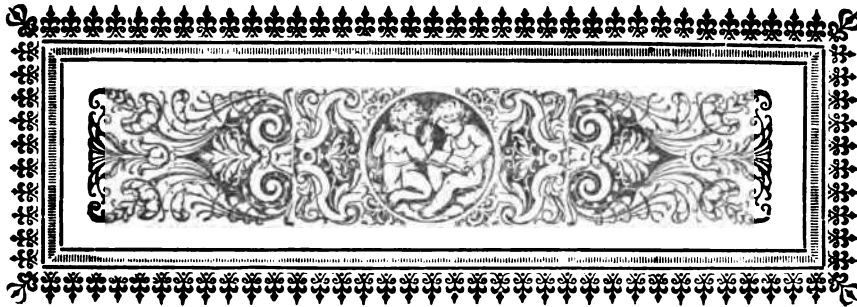
СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ „Русской Старины“
1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Записки императрицы Екатерины Второй.

VI¹⁾.

 въ іюлѣ мѣсяцѣ мы узнали, что 24-го іюля городъ Мемель сдался на капитуляцію русскимъ войскамъ; а въ августѣ получено было извѣстіе о Гроссегерсдорфскомъ сраженіи, которое русскіе выиграли 19-го числа того же мѣсяца. Въ день празднованія этой побѣды я дала у себя въ саду большой обѣдъ, на который пригласила великаго князя и все, что было въ Ораніенбаумѣ значительныхъ лицъ; онъ и все общество, повидимому, были веселы и остались довольны моимъ обѣдомъ. Великій князь на время позабылъ свою досаду, которую причинила ему эта война, начавшаяся между Россією и королемъ прусскимъ. Великій князь съ самаго дѣтства чувствовалъ особенную склонность къ прусскому королю; сначала тутъ не было ничего удивительнаго, но потомъ это пристрастіе дошло до безумія. Въ то время общая радость по случаю успѣха русской арміи обязывала его скрывать свои мысли, но, въ сущности, ему досадно было поражение прусскихъ войскъ, которыя онъ считалъ непобѣдимыми. Въ этотъ день я приказала дать ораніенбаумскимъ каменщикамъ и другимъ рабочимъ жаренаго быка. Вскорѣ затѣмъ мы возвратились въ городъ, гдѣ заняли Лѣтній дворецъ. Тутъ, однажды вечеромъ, графъ А. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что императрица въ комнатѣ у жены его, и что я могу пойти поговорить съ нею, такъ какъ я этого желала прошедшею зимою. Я тотчасъ отправилась въ отдѣ-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1906 г.

леніе графа и графини Шуваловыхъ, находившееся въ концѣ моего отдѣленія. Я застала императрицу одну. По обыкновенію я подошла къ рукѣ, и она поцѣловала меня. Потомъ я имѣла честь услышать, что она, узнавши о моемъ желаніи поговорить съ нею, нарочно для того пришла сегодня, и спрашиваетъ, что мнѣ нужно. Надо замѣтить, что тогда прошло уже восемь мѣсяцевъ и даже больше съ тѣхъ поръ, какъ я говорила съ графомъ А. Шуваловымъ о Брокдорфѣ. Я отвѣчала, что прошлю зимою, видя поведеніе Брокдорфа, я сочла необходимымъ сказать о немъ графу А. Шувалову, дабы онъ могъ довести то до свѣдѣнія ея величества; что когда Шуваловъ спросилъ, имѣетъ ли онъ право сослаться на меня, я сказала, что если ея величество сама меня спроситъ, то я повторю ей лично все, что сказала, и все, что знаю. Тогда я рассказала ей исторію Элендсгейма, все, какъ было. Она выслушала меня, повидимому, довольно холодно и стала спрашивать подробности о домашней жизни великаго князя и о лицахъ, его окружавшихъ. Я передала ей съ самою строгою точностью все, что знала; замѣтивъ по моимъ рассказамъ о голштинскихъ дѣлахъ, что они мнѣ довольно извѣстны, она сказала: „вы, кажется, хорошо знаете эту страну“. Я чистосердечно отвѣчала, что мнѣ немудрено знать ее, ибо я познакомилась съ тамошними дѣлами по волѣ великаго князя. Тутъ изъ выраженія лица императрицы я замѣтила, что такая довѣренность произвела на нее непріятное впечатлѣніе; вообще, во все время нашего разговора, она мнѣ показалась какъ-то странно, недовѣрчивою; она заставляла меня говорить и дѣлала мнѣ вопросы, а сама отъ себя почти не говорила ни слова, такъ что все это можно было назвать скорѣе вывѣдываніемъ съ ея стороны, нежели откровеннымъ разговоромъ. Наконецъ она отпустила меня такъ же холодно, какъ и приняла, и я не знала, что подумать объ этой аудіенціи, про которую А. Шуваловъ велѣлъ мнѣ никому отнюдь не сказывать, что я ему обѣщала. Да и хвалиться было нечѣмъ! Возвратившись къ себѣ, я приписала холодность императрицы тому, что Шуваловы, какъ давно мнѣ сказывали, успѣли внушить ей антипатію ко мнѣ. Послѣ мы увидимъ, какое отвратительное употребленіе (если смѣю такъ выразиться) заставили ее сдѣлать изъ этого разговора между мною и ею.

Черезъ нѣсколько времени мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться взятіемъ Мемеля и Гросс-эгерсдорфскою побѣдою и идти впередъ, повернулъ назадъ съ такою поспѣшностью, что это отступленіе походило на бѣгство, потому что онъ бросалъ и сожигалъ припасы и заколачивалъ пушки. Никто не могъ понять, что это значило; даже друзья не знали, что сказать ему въ оправданіе, и, вслѣдствіе этого, всѣ начали доискиваться

тайныхъ причинъ. Хотя я не знаю въ точности, чему слѣдуетъ приписать это поспѣшное и ни съ чѣмъ несообразное отступленіе фельдмаршала Апраксина, съ которымъ я больше не видалась въ моей жизни, однако, думаю, что причиною тому могли быть извѣстія, которыя онъ получалъ отъ дочери, княгини Куракиной, по-прежнему находившейся въ любовной связи съ графомъ Петромъ Шуваловымъ (больше изъ политики, нежели по склонности), отъ зятя, князя Куракина, отъ друзей и родственниковъ. Всѣ они увѣдомляли его, что здоровье императрицы съ каждымъ днемъ становится хуже; въ то время почти всѣмъ было извѣстно, что съ нею постоянно каждый мѣсяць бывають сильныя конвульсіи, производившія замѣтное ослабленіе въ ея организмѣ; что послѣ каждой такой конвульсіи дня два, три или четыре она остается въ такой слабости и въ такомъ истощеніи всѣхъ способностей, какъ будто въ летаргическомъ снѣ, и что въ эти дни нельзя говорить ни о чемъ ни съ нею, ни при ней. Фельдмаршалъ Апраксинъ, по всему вѣроятію, преувеличивая опасность, въ которой находилась императрица, не счелъ нужнымъ идти дальше въ Пруссію и подъ предлогомъ недостатка въ свѣстныхъ припасахъ пошелъ назадъ, чтобы быть ближе къ русскимъ границамъ, ибо предвидѣлъ, что въ случаѣ кончины императрицы война эта немедленно будетъ остановлена. Трудно оправдать поступокъ фельдмаршала; но таковы могли быть его расчеты, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ свое пребываніе нужнымъ въ Россіи, какъ я сказала, говоря объ его отъѣздѣ. Графъ Бестужевъ прислалъ мнѣ сказать черезъ Штамбе, какой оборотъ принимали дѣйствія фельдмаршала Апраксина, на которыя громко жаловались послы императорскій и французскій. Онъ просилъ меня, чтобы я, по пріязни своей, написала къ фельдмаршалу и вмѣстѣ съ нимъ, Бестужевымъ, уговорила его снова двинуться впередъ и положить конецъ этому бѣгству, которое враги его объясняютъ самымъ неблагопріятнымъ и постыднымъ для него образомъ. Я дѣйствительно написала письмо къ фельдмаршалу Апраксину, увѣдомляя его, что въ Петербургѣ ходятъ о немъ дурныя слухи, что друзья его не знаютъ, чѣмъ оправдать его поспѣшное отступленіе, и прося, чтобы онъ шелъ впередъ и повиновался распоряженіямъ правительства. Великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, доставилъ ему это письмо. Апраксинъ не отвѣчалъ мнѣ. Между тѣмъ, къ намъ пріѣзжалъ прощаться и уѣхалъ на почтовыхъ изъ Петербурга главный директоръ императрицыныхъ построекъ, генералъ Ферморъ; намъ сказали, что онъ отправился принять начальство надъ арміею; онъ нѣкогда былъ начальникомъ штаба у графа Миниха. Генералъ Ферморъ прежде всего потребовалъ, чтобы ему дали его чиновниковъ или помощниковъ по управленію постройками, бригади-

ровъ Рязанова и Мордвинова, и съ ними отправился къ арміи. Эти военные люди умѣли только заключать контракты по постройкамъ. Какъ скоро онъ пріѣхалъ, ему велѣно было заступить мѣсто фельдмаршала Апраксина, который былъ вызванъ въ Петербургъ и по пріѣздѣ получилъ приказаніе оставаться въ Тригорскомъ и тамъ ждать воли императрицыной. Участъ его долго оставалась нерѣшеною, потому что друзья его, дочь и Петръ Шуваловъ, употребляли всевозможныя мѣры и прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, чтобы потушить гнѣвъ императрицы, разжигаемый графами Воронцовымъ, Бутурлинымъ, Иваномъ Шуваловымъ и другими, которые дѣйствовали по внушеніямъ вѣнскаго и версальскаго пословъ и требовали суда надъ Апраксинымъ. Наконецъ, были назначены слѣдователи по его дѣлу. Послѣ первыхъ вопросовъ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ сдѣлался апоплексическій ударъ, послѣ котораго онъ не прожилъ болѣе сутокъ. При дальнѣйшемъ слѣдствіи непремѣнно былъ бы замѣшанъ въ дѣло генералъ Ливенъ, другъ и повѣренный тайнъ Апраксина, что меня еще болѣе бы огорчало, потому что Ливенъ былъ искренно привязанъ ко мнѣ. Но какъ ни была я дружна съ Ливеномъ и Апраксинымъ, во всякомъ случаѣ могу поклясться, что совершенно не знала о причинахъ ихъ поступка и о самомъ ихъ поступкѣ, хотя и старались распускать слухъ, будто они пошли назадъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, потому что желали сдѣлать угодное великому князю и мнѣ. Ливенъ иногда странно выражалъ свою привязанность ко мнѣ; между прочимъ, въ маскарадѣ у графа Эстергази, вѣнскаго посла, гдѣ была императрица и весь дворъ, Ливенъ, глядя на меня, сказалъ стоявшему возлѣ него графу Понятовскому: „вотъ женщина, за которую честному человѣку можно охотно вынести нѣсколько ударовъ кнута“. Это мнѣ рассказывалъ самъ графъ Понятовскій, впоследствии король польскій.

Генералъ Ферморъ, принявъ начальство, успѣшилъ исполнить то, что ему было приказано, немедленно двинулся впередъ и, несмотря на суровую зиму, занялъ Кенигсбергъ, который выслалъ къ нему своихъ депутатовъ 18-го января 1758 г. Въ эту зиму я замѣтила, что Левъ Нарышкинъ вдругъ совершенно перемѣнилъ свое поведеніе; онъ сталъ невѣжливъ и грубъ и неохотно приходилъ ко мнѣ, ссылаясь на причины, которыя показывали, что у него что-то есть противъ меня, противъ своей сестры, невѣстки, графа Понятовскаго и всѣхъ моихъ приближенныхъ. Я узнала, что онъ почти не выходитъ отъ Ивана Шувалова, и догадалась, что его отвлекали отъ меня, думая мнѣ отмстить этимъ за то, что я помѣшала его браку съ Хитровой, и что навѣрное отъ него вывѣдаютъ разныя вещи и добьются разныхъ признаній, которыя могутъ повредить мнѣ. Его невѣстка,

сестра и братъ также сердились на него за это, и въ самомъ дѣлѣ онъ велъ себя, какъ {помѣшанный, и съ полнымъ чистосердечіемъ всячески оскорблялъ насъ, между тѣмъ, какъ въ это самое время я на свои деньги меблировала домъ, гдѣ онъ долженъ былъ жить послѣ свадьбы. Всѣ обвиняли его въ неблагодарности и говорили ему, что онъ—безчувственный человѣкъ, однимъ словомъ, что онъ никоимъ образомъ не можетъ быть недоволенъ мною. Было ясно, что онъ служилъ орудіемъ для тѣхъ, которые успѣли овладѣть имъ. Онъ больше обыкновеннаго ухаживалъ за великимъ княземъ, вслѣдствіе забавлялъ его и заставлялъ дѣлать именно то, чего я не одобряла, какъ ему было извѣстно. Невѣжливость свою онъ простиралъ иногда до того, что даже не отвѣчалъ на мои вопросы. Въ то время я не могла себѣ объяснить, чѣмъ я могла его обидѣть; напротивъ, можно сказать, что я не переставала оказывать мое расположеніе и дружбу, какъ ему, такъ и всей его семьѣ, съ тѣхъ поръ какъ ихъ знала. Мнѣ кажется, что онъ удвоилъ свои любезности относительно великаго князя также по совѣту Шуваловыхъ, увѣрившихъ его, что милость великаго князя всегда для него надежнѣе моей, такъ какъ ни императрица, ни великій князь не расположены ко мнѣ и не любятъ меня; что онъ можетъ повредить своему счастью, если не отстанетъ отъ меня; что какъ скоро императрица умретъ, великій князь посадитъ меня въ монастырь, и проч. Мнѣ было донесено, что Шуваловы именно говорили обо всемъ этомъ. Кромѣ того, его обнадежили, что великій князь, въ знакъ своей милости, дастъ ему орденъ св. Анны. Посредствомъ такихъ доводовъ и приманокъ изъ этого слабаго и безхарактернаго человѣка извлекали какія угодно признанія, и онъ самъ простиралъ свое легкомысліе дальше, нежели отъ него требовалось, хотя иногда, какъ увидимъ ниже, съ нимъ бывали припадки раскаянія. Онъ старался всѣми средствами отдалять отъ меня великаго князя, который въ это время почти не переставалъ дуться на меня и снова связался съ графиней Елизаветой Воронцовой.

Къ веснѣ этого года разнесся слухъ, что принцъ саксонскій Карлъ, сынъ польскаго короля Августа III, пріѣдетъ въ Петербургъ. Это было вовсе непріятно великому князю по разнымъ причинамъ: во-первыхъ, онъ боялся, что пріѣздъ принца стѣснитъ его, а онъ не любилъ ни малѣйшаго обстоятельства, которое могло разстроить заведенный имъ образъ жизни; во-вторыхъ, саксонскій домъ находился на сторонѣ враговъ прусскаго короля; въ-третьихъ, великій князь могъ опасаться невыгоднаго для себя сравненія съ принцемъ Карломъ, хотя такое опасеніе означало бы великую скромность, потому что принцъ Карлъ самъ по себѣ былъ человѣкъ ничтожный и необразованный; кромѣ охоты и танцевъ, онъ ничего не зналъ, и я

сама слышала отъ него, что онъ во всю жизнь не бралъ книгъ въ руки, исключая молитвенниковъ, которые ему давала королева, мать его, большая ханжа. Онъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Петербургъ 5-го апрѣля этого года. Его принимали съ большою церемоніею, великолѣпіемъ и блескомъ; свита его была очень многочисленна; его сопровождало много саксонцевъ и поляковъ, въ томъ числѣ Любомірскій, Потоцкій, Ржевусскій, котораго называли прекраснымъ, два князя Сулковскіе, графъ Салъга, графъ Браницкій, впоследствии славный генералъ, графъ Эвзидель и множество другихъ, именъ которыхъ я теперь не припомню. При немъ находился еще нѣкто Лахиналь, что-то въ родѣ гувернера; онъ руководилъ его [поведеніемъ и завѣдывалъ его перепискою. Принца Карла помѣстили въ домѣ камергера Ивана Шувалова, только-что отстроенномъ. Хозяинъ украсилъ этотъ домъ, на сколько было у него вкуса, тѣмъ не менѣе домъ былъ безъ вкуса и довольно плохъ, хотя чрезвычайно роскошно убранъ. Въ немъ было много картинъ, но, большею частью, копій; одну комнату облекли чинаровымъ деревомъ, но такъ какъ чинара не казиста, то поверхъ ея навели глазурь, отчего комната сдѣлалась желтою; чтобы поправить дѣло и уничтожить сверный желтый цвѣтъ, ее покрыли очень тяжелою и богатою рѣзбою, которую посеребрили. Снаружи этотъ домъ, хотя очень огромный, напоминалъ своими украшениями манжеты изъ Алансонскихъ кружевъ, такъ много на немъ было разныхъ украшеній. Графъ Иванъ Чернышевъ назначенъ былъ состоять при саксонскомъ принцѣ, которому все содержаніе отпускалось отъ двора, и дана была дворцовая прислуга. Въ ночь передъ тѣмъ днемъ, какъ принцъ Карлъ посѣтилъ насъ, я почувствовала страшную колику съ такимъ поносомъ, что должна была слишкомъ тридцать разъ ходить на низъ. Сверхъ того, со мною сдѣлалась лихорадка; но, несмотря на все это, на утро я одѣлась и приготовилась принять принца Карла. Около двухъ часовъ послѣ обѣда его повели къ императрицѣ, а отъ нея привели ко мнѣ; великій князь долженъ былъ придти тотчасъ послѣ него. Для этого поставлены были у стѣны три кресла; на среднемъ сидѣла я, направо отъ меня великій князь, налѣво принцъ Карлъ. Мнѣ пришлось вести разговоръ, потому что его высочество не хотѣлъ вымолвить слова, а принцъ Карлъ былъ не разговорчивъ. Разговоръ продолжался съ полчетверти часа, послѣ чего принцъ Карлъ, наконецъ, всталъ и началъ представлять намъ свою огромную свиту; съ нимъ было, кажется, больше 20 человекъ, къ которымъ въ этотъ день присоединились посланники польскій и саксонскій, находившіеся при русскомъ дворѣ, и ихъ чиновники. Черезъ полчаса принцъ удалился, а я раздѣлась, легла въ постель и пролежала дня три или четыре въ сильной лихорадкѣ, послѣ кото-

рой я почувствовала признаки беременности. Въ исходѣ апрѣля мы отправились въ Ораніенбаумъ; но еще въ городѣ узнали, что принцъ Карлъ ѣдетъ волонтеромъ въ русскую армію. Передъ отъѣздомъ туда онъ отправился съ императрицею въ Петергофъ, гдѣ ему давали праздники. Но мы ни тамъ, ни въ городѣ не участвовали въ этихъ праздникахъ и проводили время въ своемъ обществѣ; принцъ Карлъ простился съ нами и уѣхалъ 4-го іюля.

Видя, что великій князь постоянно очень на меня сердится, чему я не находила другой причины, кромѣ той, что я не хотѣла знать ни Брокдорфа, ни графини Елизаветы Воронцовой, сдѣлавшейся снова любимою султаншею, я вздумала дать его императорскому высочеству праздникъ въ моемъ Ораніенбаумскомъ саду и гѣмъ, буде возможно, смягчить его гнѣвъ; я знала, что всякій праздникъ по душѣ великому князю. Вслѣдствіе этого, я приказала моему тогдашнему архитектору, итальянцу Антонію Ринальди, сдѣлать изъ дерева въ отдаленномъ мѣстѣ большую колесницу, такъ, чтобы на ней могъ помѣститься оркестръ въ шестьдесятъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Стихи я велѣла сочинить придворному поэту, итальянцу, а музыку капельмейстеру Арайѣ. Въ саду, въ большой аллеѣ, устроена была иллюминированная декорація съ занавѣсью; напротивъ разставлены столы для ужина. 11-го іюля къ вечеру его императорское высочество, все, что было жителей въ Ораніенбаумѣ, и множество пріѣхавшихъ изъ Кронштадта и Петербурга отправились въ садъ, который уже былъ иллюминированъ. Сѣли за ужинъ, и послѣ перваго блюда занавѣсь, закрывавшая большую аллею, поднялась; вдали показался подвижной оркестръ, который везли двадцать быковъ, убранныхъ гирляндами; а оркестръ окружали танцоры и танцовщицы, сколько я могла ихъ найти. Аллея была такъ ярко иллюминирована, что можно было различать всѣ предметы. Когда оркестръ остановился, на небѣ, какъ будто нарочно надъ самою колесницею, показался мѣсяцъ. Это произвело необыкновенный эффектъ и очень удивило все общество; къ тому же погода стояла чудеснѣйшая. Всѣ вскочили изъ-за столовъ, чтобы ближе послушать симфонію и полюбоваться зрѣлищемъ. Какъ скоро симфонія кончилась, занавѣсь опустилась, всѣ усѣлись за столы, и послѣ втораго блюда слышались трубы и литавры, явился скоморохъ и началъ кричать: „милостивые государи и милостивыя государыни! пожалуйте ко мнѣ, въ моихъ лавочкахъ будетъ даровая лотерея“. По обомъ бокамъ декораціи поднялись небольшія занавѣси и открылись двѣ маленькія, ярко освѣщенные лавочки, изъ которыхъ въ одной находился фарфоръ, а въ другой цвѣты, ленты, вѣера, гребенки, гарусъ, перчатки, портупей и тому подобное тряпье, которое было все разобрано по билетамъ. Послѣ раздачи вещей всѣ отпра-